

Лишь почитая богов
и Храмы побежденных,
Спасутся победители.

Эсхил. «Агамемнон»

ПРОЛОГ

Жизнь есть движение.

И оспаривать эту аксиому столь же глупо, как опровергать существование земного притяжения. Любители почесать языком, разумеется, находятся, но ничего, кроме снисходительной улыбки, их потуги не вызывают.

Жизнь есть движение.

Мы живем только потому, что постоянно движемся, причем как в прямом смысле этого слова: убегая и атакуя, работая и занимаясь спортом, так и в переносном: постоянно развиваясь, совершенствуясь, познавая новое и, соответственно, поднимая себя на более высокую ступень развития. Мы не останавливаемся. Мы стремимся вперед. Мы движемся.

Но в то же самое время умение оставаться неподвижным, а значит — незаметным, играет весомую роль в спектакле повседневности. Оно одинаково полезно и военному, и охотнику, и хищнику, и тому, кто занимает в пищевой пирамиде местечко пониже. Терпеливый крокодил обеспечит себе сытный ужин, а притихшие под кустом зайчата избегнут встречи с голодной лисой.

И Олово, который мог посостязаться в скорости и с крокодилом, и с гепардом, в совершенстве владел искусством сохранять неподвижность.

Невысокий, на первый взгляд — щуплый, затянутый в маскировочный комбинезон армейского образца, он приник к толстой ветке, нависавшей над оленьей тропой, и не шевелился, ожидая, когда небольшое стадо, что мирно паслось в полукилометре к северу, соберется на водопой. Когда и как олени пойдут к реке, Олово знал точно — за последние месяцы он досконально изучил повадки местной живности.

Еще полчаса, максимум минут сорок, и вожак, голову которого украшали массивные красноватые рога, привлечет к себе внимание коротким ревом. Выждет, убеждаясь, что услышан всеми, и важно ступит на ведущую к реке тропу. Следом потянутся окруженные телятами самки, а в арьергарде — молодые бычки, одного из которых ждет приглашение на ужин. Седло черного оленя, приготовленное в «тулупе» из ароматных трав, Олово считал вкуснейшим в этих краях лакомством.

При мысли о предстоящем пиршестве охотник едва заметно улыбнулся, однако в следующий миг насторожился — вожак издал тревожное мычание.

«Что случилось?»

Заметить притаившегося на дереве врага олени не могли, к тому же засаду Олово устроил с подветренной стороны, а значит... Еще один сигнал рогатого, и охотник понял причину тревоги: на расположенный к северо-западу каменистый пригорок медленно и важно поднялась пятнистая кошка.

«Соседка!»

Ужин отменяется? В первый момент показалось именно так — встревоженные олени бросились на восток, однако припустившая с пригорка пятнистая отрезала стаду путь на равнину, и вожак повернул на юг, к кустам, редким деревьям и... к Олово.

Охотник подобрался.

Прыгать на удирающего от хищника зверя задача не из простых, однако Олово в себе не сомневался. А о том, чтобы жертва оказалась под деревом, позаботилась кошка, совершившая резкий рывок, заставив стадо еще раз изменить направление.

«Сейчас!»

Вожак и самки с детенышами пробежали правее, через кустарник и по высокой траве. А вот умные молодые бычки устремились на тропу: по ней ведь легче, быстрее, а значит — безопаснее.

Двое, трое, опять двое...

Олово дождался последнего в группе бычка, смертоносной тенью соскользнул с ветки, ловко оседлав жертву, и тут же,

не давая перепуганному оленю опомниться, взмахнул ножом. Располованное горло оросило мир горячей кровью, бычок покатился по земле, а Олово, за мгновение до того спрыгнувший с его спины, подскочил и прижал дергающуюся в последних судорогах жертву к земле.

— Всё, всё... — то ли пытался утешить, то ли просил прощения. — Всё...

Приглашение на ужин доставлено.

Стадо стремительно миновало полоску кустарника, вышло к реке, но не остановилось, преодолело поток вброд — благодаря тонкому слуху охотник различил плеск воды — и ушло на открывающуюся дальше равнину.

Олово отпустил бычка, присел на корточки и принялся неспешно вытирать нож. Он знал, что скоро придёт гостя, и не ошибся: примерно через минуту высокая трава мягко разошлась, и появилась пятнистая голова. Когда требовалось, крупные местные кошки умели приближаться незаметно, великолепно используя для маскировки и траву, и кустарник.

— Привет, — коротко произнес Олово.

Пятнистая не ответила, но смотрела на человека без агрессии. И без любопытства. Скорее — выжидающе. Хотела знать, понял ли двуногий, что она пришла за своей долей.

— Ты умнее, чем ка-азалось, — признал человек.

Кошка вновь промолчала. Вышла из травы, продемонстрировав Олово длинное мускулистое тело, потянулась и уселась.

«Где моя доля?»

Они познакомились на третий день пребывания Олово на равнине, вскоре после того, как он поохотился на оленей в первый раз. Недовольная зверюга явилась в тот самый момент, когда Олово тащил тушу к пещере: выскользнула из кустов, хлестнула себя хвостом по бокам и выдала угрожающий рык, сообщив, что местные охотничьи угодья зарезервированы. Олово, которому понравилось на равнине настолько, что он решил остаться здесь навсегда, ответил не менее угрожающим рычанием, поправил лежащую на плечах тушу и потопал по своим делам, ожидая удара в спину. Но не дождался. То ли пятнистая решила повременить, то ли была смущена поведением наглого новичка.

Отступила.

Той же ночью Олово прошел по следам кошки и отыскал тщательно спрятанное логово, в котором посапывали трое котят. Трогать не стал, понадеялся, что пятнистая поймет сигнал, и не ошибся. На следующую ночь состоялся ответный визит — кошка пришла к пещере и почти час сидела в тридцати шагах от разведенного у входа костра. Смотрела, оценивала, затем растворилась в темноте, и недели две они с Олово жили, не замечая друг друга.

А сегодня пятнистая неожиданно предложила союз.

Олово вырезал из туши интересующие его куски, упаковал их и поднялся на ноги.

— Оста-альное твое.

Кошка склонила голову набок. Взгляд ее зеленых глаз оценивающе ощупал остатки оленя.

— Всё честно. — Олово еще раз посмотрел на тушу, усмехнулся и сделал шаг назад. — Прия-атного аппетита-а.

Пятнистая двинулась вперед.

— Увидимся-а.

Она в очередной раз не ответила, но Олово и не требовалось. Он знал, что его поняли.

АВГУСТ

Что есть власть?

«Возможность отдавать любые приказы», — услужливо подсказал внутренний голос. Большой любитель поспорить и продемонстрировать свою значимость. Внутренний голос был отъявленным честолюбцем, весьма хвастливым, самодовольным, и каждая одержанная победа подбрасывала дровишек в костер его тщеславия.

«Приказы?» — переспросил Джезе.

«Любые».

«Не слишком ли мелко? Фельдфебель тоже отдает приказы».

«Любые... — Чувствовалось, что сравнение собеседника покорило. — А как насчет исполнения любых желаний?»

«Своих ли?»

«А чьих?»

Оказавшись на вершине, человек попадает в центр переплетения интересов самых разных групп, группировок и группировочек, что стоят между правителем и вверенным его попечению народом. По-настоящему неограниченная власть — миф. Или будешь лавировать между кланами, или станешь заложником ближайших сторонников. И еще неизвестно, что лучше.

Неизвестно...

Раньше Папа Джезе не задумывался над сутью власти. Лез вверх ради процесса, лез, потому что мог, потому что наслаждался своей силой и превосходством над конкурентами. Потому что подъем на вершину был в его жизни таким же естественным делом, как сон или дыхание. Увлекательной игрой он был, острым состязанием, но теперь... Теперь ставки

выросли настолько высоко, что привычно легкое отношение к победам стало казаться неуместной шуткой.

Так что же дает власть?

«Возможность стать богатым», — брякнул один из роящихся над головой духов Лоа.

И захихикал.

— Да уж... — Джезе скривился.

Карабкаться на вершину ради денег? Какая пошлость.

«Не будь наивным. Деньги правят миром».

— Назвать тебе людей, у которых эта фраза вызовет презрение? Они есть сейчас, они были раньше. Прошли сотни лет, но люди их помнят, потому что не золото было их целью, а чистая, как дистиллированная вода, власть.

Вот только зачем, черт побери, она нужна?!

«Ты разве не знаешь?» — на этот раз отозвался целый сонм духов.

Почести, богатство, возможность отдавать приказы и очень долгая жизнь. Не вечность, конечно, но сила Вуду существенно добавит к тому, что предлагает медицина. Жизнь на вершине, наслаждения, взрослые игры и... и тоскливые вечера у камина, по меткому выражению этого мерзавца Щеглова.

Жизнь для себя. Жизнь в полнейшем одиночестве, потому что душа живет вдали. Жизнь наполовину или вообще не жизнь. Такова его плата.

Индивидуальный, мать его, взнос.

«Ты больше не принадлежишь себе», — прошептал дух.

— Один раз вы меня уже обманули, — хрипло ответил Папа.

«Мы не обманывали».

«Просто кое-что изменилось».

«Непредвиденное».

Джезе закрыл глаза и вновь, как во время разговора с Мишенькой, погрузился в воспоминания. В сладкие воспоминания о страстной встрече в соборе Тринадцати Пантеонов. Лицо любимой женщины, ее прикосновения, ее дыхание, ее тепло. Нет — ее жар. Нет! Не ее жар, а их. Их общий костер увидел Джезе и в очередной раз осознал, что сгорел тогда

дотла. И Патриция сгорела. Только она знала, на что шла, а он — нет.

«Получается, она тоже тебя обманула!»

«Бедный, бедный Джезе...»

«Ужасно, когда нельзя никому довериться».

«Не слезы ли на его глазах?»

Они роились вокруг и зубоскалили. Ехидничали. Откровенно насмеялись. Их якобы шуточные замечания становились все более дерзкими, однако уколы порождала не сила, совсем не сила. Духи Лоа понимали, что случившееся в соборе Тринадцати Пантеонов изменило Папу, однако до сих пор не смогли ковырнуть глубже, чем он позволял. Возможно, сейчас, после разговора со Щегловым, защита даст сбой и они узнают его нового? Того, которого боялся сам Джезе.

«Что ты нашел в этой девке?»

— В девке?!

Разъяренный Папа сдавил обнаглевшего духа в кулаке.

А в следующий миг осознал, что все невидимые твари Лоа замолчали.

А еще через секунду осознал, что сделал.

Защита пробита, и ошарашенные духи разлетелись, бросая испуганные взгляды на нового Джезе.

«Ты изменился...»

«Ты другой...»

— Там, в соборе, мы совершили невозможное, — тяжело объяснил Папа.

То ли себе, то ли плененному невидимке.

Патриция!

Их любовь, их костер, их пожар. Вершина, на которую они поднялись. Вершина, которой можно достичь только вместе, и только через костер.

Он стал другим. Не мог не стать и стал, однако долго, очень-очень долго не принимал перерождения. То ли боялся, то ли не был готов, то ли предвидел реакцию сил, служению которым посвятил свою жизнь.

«Ты не имел права так поступить!»

«Ты не должен был меняться!»

«Ты стал чужим!»

Папа поднял руку и внимательно посмотрел на бьющуюся в ловушке жертву. На олицетворение мощи Католического Вуду¹. На невидимого повелителя незримого.

И услышал:

«Пусти...»

Тихое, недовольное, обиженное и немного испуганное.

И понял, почему парившие в соборе Тринадцати Пантеонов духи с недоверием смотрели на костер их с Патрицией любви. Почему стали помогать Ахо.

— Вы меня боитесь.

«Ты стал чужим!»

— Напротив, мои маленькие невидимые друзья, — покачал головой Джезе. — Теперь мы с вами окончательно породнились.

А Католическое Вуду обрело второго, после Святого Мботы, великого пророка, который...

— Иисус, — прошептал Папа, принимая первое в своей жизни видение.

Глобальную картину, ужатую в короткий информационный пакет без всякого, мать его, шифрования. То ли первая передача, то ли случайная связь, то ли дурацкая шутка с целью проверить свойства нового преемника в сети избранных.

— Иисус! — повторил Джезе, выпуская духа и сдавливая руками переполненную посланием голову. — Помедленнее! Господи, пожалуйста, помедленнее!

Он знал все на свете и ничего конкретно. Он видел судьбы людей, но не мог сосредоточиться ни на одной из них. Он был всемогущим наблюдателем, отстраненно взирающим на потуги, и управлял всей жизнью на Земле. Он был, и его не было. В своих коротких скитаниях везде и нигде Джезе окончательно познал суть Станции и восхитился величием замысла. А потом поразился чудовищной его жестокости. Он увидел, что будет и что будет потом, после «что будет». Всех возненавидел и простил.

А потом запретил себе жалеть себя.

---

¹ Католическое Вуду — одно из основных религиозных течений современности. Значение некоторых других слов и выражений (в том числе сленговых) вы можете узнать в словаре. (Прим. редактора.)

А потом открыл глаза и понял, что лежит на полу. Что боль стихла, что он не спятил, не «коротнул» от информационной перегрузки, зато чувствует необыкновенный прилив сил. Понял, что произошедшее — его суть, его новое Я, его истина. Понял и смирился.

«Ты не уйдешь», — с тихой радостью и невероятной печалью произнес дух.

— Да, — подтвердил Папа. — Я не уйду.

Потому что впереди их ждут страшные испытания и людям, собравшимся на площади перед храмом Иисуса Лоа, нужен вождь. И другим людям, которые смотрят прямую трансляцию, тоже нужен вождь. Миллионы, сотни миллионов людей верят и надеются на лучшее. У миллионов, у сотен миллионов из них нет ничего, кроме веры и надежды. И он, Папа Джезе, обязан остаться, потому что вера их — он. И надежда их — он. Потому что отныне и до самой смерти он и есть Католическое Вуду.

Что такое власть, Папа Джезе?

Возможность вести людей к цели, которую ты видишь и в которую веришь. Ответственность перед теми, кого ведешь.

Любой другой ответ не имеет смысла. Любой другой ответ приведет его к любимой женщине. Любой другой ответ приведет Папу туда, куда рвется его сердце, где живет его душа. Любой другой ответ приведет его в место, которое будет сниться Папе всю оставшуюся жизнь. В место, вспоминая о котором он будет плакать без слез всю оставшуюся жизнь. В место, где он мог бы обрести счастье.

Но вот беда — не было у Джезе другого ответа.

А значит, и счастлив он не будет.

— Я — пастырь. Так уж получилось.

Папа медленно поднялся на ноги, сделал пару шагов и угрюмо посмотрел в зеркало. На отражение человека, отдавшего другим свою душу. На отражение человека, облаченного в белые одежды настоятеля храма Иисуса Лоа.

ИЮНЬ

АНКЛАВ: МОСКВА.

ТЕРРИТОРИЯ: БОЛОТО.

«ИННОВАЦИОННОЕ БЮРО ЛАКРИ».

В ОСНОВЕ ЛЮБЫХ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

ЛЕЖАТ НУДНЫЕ СОВЕЩАНИЯ

— Пресс-служба СБА официально подтвердила, что вчерашний сбой сети, в результате которого четыре часа «лежало» тридцать процентов Франкфурта, стал результатом согласованной атаки на Анклав тритонов Сорок Два. Убытки от очередной выходки сетевого террориста превысили...

Патриция, повинувшись взгляду отца, выключила некстати заголосивший коммуникатор и кашлянула, показывая, что можно вернуться к разговору.

Кирилл же пригладил короткие светлые волосы, медленно обвел взглядом собеседников, выбрал Руса и негромко поинтересовался:

— Я слышал, тритоны взломали бюро.

— Пытались, — уточнил тот, проклиная свою забывчивость. Чертов коммуникатор был «заряжен» на новости и автоматически включался в начале основных выпусков.

— Тритоны пытаются ломать всех, — вступился за Лакри Ганза. — Ничего особенного.

— Все меня не интересуют, пусть сами справляются, — тяжело произнес Кирилл. — А сервер бюро должен оставаться в неприкосновенности.

— Машина отрезана от сети с самого начала проекта, — напомнил Рус. — В ней нет «железа», способного установить соединение. И она слишком хорошо спрятана, чтобы можно было подключиться через...

— Терминалы, — буркнул Грязнов. — Машина в бункере, но вы работаете отсюда.

Мозгом «Инновационного бюро Лакри» служил суперкомпьютер с пятнадцатью «поплавками», разрешение на который Кирилл раздобыл благодаря мощным связям на самой верхушке иерархической пирамиды Анклава Москва. Пряталась чудо-машина в глубоком бункере и обеспечивала Рустаму с компанией потрясающе высокий уровень вычислений. Как раз такой, какой и требовала поставленная Грязновым сложная и предельно секретная задача, — именно поэтому Кирилл беспокоился насчет мер безопасности.

— Вы представляете, что будет, если вас на самом деле взломают?

— Я вычислил придурков через семьдесят секунд после начала атаки, — тихо сообщил молчавший до сих пор Чайка. — Заблокировал им доступ и позвонил по номеру, который вы дали.

— А если бы тебя не оказалось на месте?

— Меня и не оказалось, — пожал плечами Илья. — Когда Рустам сообщил о попытке взлома, я сидел в кабаке на Мясницкой. Оттуда и работал.

Чайка, Илья Дементьев, был не простым ломщиком — одним из двенадцати великих, одним из «любимчиков Поэтессы», о которых по сети гуляли сборники легенд. Официально Илья считался мертвым, да еще убитым самим Мертвым, то есть — мертвое не бывает, на деле же чувствовал себя прекрасно. Ну, настолько прекрасно, насколько может себя чувствовать человек, всего месяц назад покинувший страшно гостеприимную Африку.

Здоровью Чайки ничего не угрожало, однако на душе ломщика было беспокойно.

— Я не оставил бедолаг после звонка, — продолжил он, исподлобья глядя на Кирилла. — И знаю, что через четыре минуты их накрыл летучий отряд безов.

На самом деле Илья подключился к «балалайке» одного из тритонов и его глазами наблюдал вторжение беспощадных бойцов СБА. Еще год назад сетевые роботы обязательно отследили бы такое подключение, но сейчас Чайке

хватало и стандартных защитных действий — миллионы тритонов изгадили сеть почти до полной неработоспособности.

— Придурков арестовали или положили? — лениво осведомился Кирилл.

Но Илью интересовало другое:

— Вы сдали тритонов Мертвому?

— Это самый быстрый и надежный способ избавиться от них.

— Объяснение так себе.

Теперь на Грязнова смотрели все: и Чайка, и Рус, и Ганза, и Патриция.

Ненависть к всесильному директору московского филиала СБА Максимилиану Кауфману была одним из краеугольных камней в фундаменте, на котором объединилась собравшаяся в Бюро компания. И если идеолог проекта не гнушается работать с Мертвым, то фундамент может дать трещину.

— Мы на войне, Илья, — пожал плечами Кирилл. — А потому я использовал и буду использовать впредь все средства, которые сочту нужными.

— Но ведь мы воюем против Мертвого!

— Основная прелесть ситуации заключается в том, что он об этом не знает, — усмехнулся Грязнов. И перешел в атаку: — Через кого, по-твоему, я сделал тебе фальшивые документы? Прошу прощения — настоящие документы.

— Через...

Беглый каторжник прекрасно понимал, что обеспечить ему новое, «почти настоящее» имя можно было лишь через СБА. Понимал, но гнал мысли прочь, поскольку в данном случае речь шла о его благополучии.

— Это стоило дорого, но оно того стоило, — продолжил между тем Кирилл. — А еще, раз уж мы заговорили о нормах безопасности, хочу предупредить, что все вы, мои дорогие партнеры, внесены в VIP-список московского филиала СБА.

— Мы все? — удивленно поднял брови Лакри.

— Времена сейчас непростые, вы же, случается, появляетесь на улицах без охраны.

А присутствие в списке особо охраняемых персон гарантировало, что безы будут защищать «дорогих партнеров» даже ценой собственной жизни.

— Теперь, когда мы утрясли мелкие вопросы, я бы хотел перейти к главной части встречи, — проворчал Грязнов. После чего покосился на коммуникатор и вытер со лба пот.

Они сидели за длинным столом в подвале одного из ангаров «Инновационного бюро». Кондиционер работал на полную, однако не успевал охлаждать воздух — слишком уж много аппаратуры появилось в последнее время в не очень большом помещении. Измерительные приборы и связанные с суперкомпьютером рабочие станции практически не выключались, тут же стенды, тут же набитые электроникой шкафы, и тут же, в углу, наполовину разобранный «Ламборджини» — памятник новейшим технологиям. Двигатель машины использовал новую энергию «Науком», и именно с желтого спортсмена начался проект, над которым трудились собранные Грязновым гении.

Проект, призванный разрушить грандиозные планы Максимилиана Кауфмана.

Кирилл, на правах лидера, занял место во главе стола. Широкоплечий, но совсем не атлет. Массивный, но отнюдь не толстый. Лицо круглое, подходящее простаку-фермеру, но взгляд серых глаз выдает глубокий ум. Кирилл был одним из трех компаньонов «Шельман, Шельман и Грязнов», ведущей антикварной фирмы планеты, имеющей представительства во всех Анклавах, торговал, так сказать, историей, а потому не поленился внести в свой облик «загадочные» детали. Он коротко стриг светлые волосы, однако на затылке носил пятнадцатисантиметровую косичку, в которую была вплетена черная веревочка. Левое ухо антиквара украшала покрытая причудливой вязью золотая серьга, а на тыльных сторонах ладоней были вытатуированы черные руны. Ни дать ни взять — маг.

Справа от Кирилла расположилась его дочь — Патриция. Красавица с тонким, узким лицом и длинными каштановыми волосами, чью стройность иногда ошибочно принимали за хрупкость. Пэт обожала скорость, гоняла на спортивных машинах, самолетах, вертолетах и даже совершила спейс-